

Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной,
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...
Намъ очарованное счастье
Мелькало рѣдко—иногда!
Увы! не зрѣли мы ненастья,
Намъ угрожаиваго тогда.

Мой умеръ братъ! Передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ. Ахъ! я не зрѣлъ ни разъ
Столь милой смерти, холодной муки...
Сложивъ крестообразно руки,
Несчастный тихо угасалъ,
И блѣдны впаляя ланиты,
И смертный взоръ, тоской убитый,
Въ подушкѣ блѣдный сокрывалъ.
Онъ умеръ!—страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ я вдругъ былъ съ содроганьемъ.
Но сожалѣнье—не любовь
Согрѣли жизнь мою и кровь.

Съ тѣхъ поръ съ обманутой душою
Ко всѣмъ я недоувѣрчивъ сталъ.
Ахъ! не подъ кровлею родною
Я былъ тогда—и увидалъ.
Не могъ съ улыбочкою смиренія
Съ тѣхъ поръ я все переносить.
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламенный любить
Самимъ собою недоуверенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ
И только тамъ душою жилъ.
Глядѣлъ въ раздуміи глубокомъ,
Когда на деревьѣ высокомъ
Пѣвецъ незримый напѣвалъ
Веселье, радость и свободу,
Какъ ижно вдругъ ослабѣвалъ,
Какъ онъ, треща, свисталъ, щелкалъ,
Какъ по лазоревому своду
На легкихъ крыльяхъ порхалъ,—
И непонятное волненье
Въ душѣ я сильно ощущалъ.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашелъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я—угрюмой
Душа моя смутилась думой...
Не могли болѣе страдать,
Я вдругъ рѣшился убѣжать.

*Настала ночь... Я всталъ печально
Съ постели, грустью омраченъ.
Во всемъ дому глубокой сонъ.
Хотѣлось мнѣ хоть взоръ прощальный
На мѣсто бросить то, гдѣ я

Такъ долго жилъ въ тиши безвѣстной,
Гдѣ жизни снѣнъ, всегда прелестной
Безпечно встрѣтила меня.
И взялъ кинжалъ; два пистолета
На мнѣ за кожанымъ ремнемъ
Звенѣли. Я страшился свѣта
Луны въ безмолвіи ночномъ...

Но вихоръ сердца молодого
Меня влечилъ къ сѣдымъ скаламъ,
Гдѣ между берега крутого
Дунай кипѣлъ, ревѣлъ; и тамъ.
Склонясь на камень головою,
Сидѣлъ я, озаренъ луною...
Ахъ! какъ она томна, блѣдна,
Лила лучи свои златые
Съ небесъ на рощи береговья:
Вездѣ знакомыя мѣста,
Все мнѣ напоминало младость,
Все говорило мнѣ, что радость
Навѣки здѣсь погребена.
Хотѣлъ проститься съ той могилой,
Гдѣ прахъ лежалъ столь сердцу милый.
Перебѣжавши черезъ ровъ,
Помель я тихо по кладбищу:
Душѣ моей давало пицу
Спокойствіе нѣмыхъ гробовъ.
И долго, долго я въ молчаньи
Стоялъ надъ камнемъ гробовымъ
Казалось, вѣяло въ страданьи
Какимъ-то холодомъ сырымъ.

Потомъ невѣрными шагами
Я удалился,—но за мной,
Казалось, тѣнь вездѣ бѣжала...
Я ночь провелъ въ глуши лѣсной,
Заря багряно освѣщала
Верхи холмовъ; ночная тѣнь
Уже рѣдѣла надо мною.
Съ отягощенною главою
Я тамъ сидѣлъ, склонясь на пенъ...
Но всталъ, пошелъ къ брегамъ Дуная,
Который издали ревѣлъ.
Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ.
Въ душѣ смѣнялося мечтанье;
Ярче дневное сіянье,—
И вотъ Дунай ужъ предо мной
Синѣлъ съ обычной красотой
Какъ онъ, прекрасный, величавый,
Игралъ въ прибрежныхъ скалахъ!...
Воспоминанье о дѣлахъ
Живетъ здѣсь, и протекшей славой
Рѣка гордится. Сѣвъ на берегъ,
Я измѣрялъ Дуная бѣгъ.
Потомъ бросаюсь въ быстры волны,
Онъ клубятся, но рукой
Я спорилъ съ быстрою рѣкой,
И скоро на берегъ безмолвный
Я вышелъ. Все въ душѣ моей
Мутилось пѣвою Дуная;